

Фомина Татьяна Юрьевна

ИСТОЧНИКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЕПИСКОПСКОЙ ВЛАСТИ НА РУСИ

Статья на основе комплекса исторических источников и историографии раскрывает вопрос о возникновении епископской власти на Руси. Формирование церковной иерархии Древней Руси при патриархе Фотии, святителях Кирилле и Мефодии, княгине Ольге, германском императоре Оттоне I не имеет достаточного документального подтверждения. Появление первых русских епископий следует датировать временем после крещения Владимира Святославича.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/7-2/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 183-187. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья на основе комплекса исторических источников и историографии раскрывает вопрос о возникновении епископской власти на Руси. Формирование церковной иерархии Древней Руси при патриархе Фотии, святителях Кирилле и Мефодии, княгине Ольге, германском императоре Оттоне I не имеет достаточного документального подтверждения. Появление первых русских епископий следует датировать временем после крещения Владимира Святославича.

Ключевые слова и фразы: Древняя Русь; церковная иерархия; архиереи; епископы.

Фомина Татьяна Юрьевна, к.и.н.

*Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов
stal73@yandex.ru*

ИСТОЧНИКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЕПИСКОПСКОЙ ВЛАСТИ НА РУСИ©

Вопросы о времени и источниках возникновения церковной иерархии у восточных славян относятся к числу наиболее дискуссионных проблем древней истории русской Церкви. Во многом это связано с недостатком исторических источников, а также различными подходами к рассмотрению данной темы в рамках светской и церковной отечественной историографии. Возникновение епископской власти традиционно рассматривалось исследователями как в период до княжения Владимира Святославича, так и после официального принятия крещения.

Первым по времени известием о создании епископии на русских землях являются сведения о направлении византийским патриархом Фотием (858-867 гг., 877-886 гг.) в Хазарию и Русь епископа с целью организации там церковной иерархии. Сам Фотий в Окружном послании (867 г.) сообщает, что «приняли они у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием встречают христианские обряды» [32, с. 132]. Это свидетельство имеет противоречивую историографию в отечественной науке – часть исследователей, преимущественно церковных, воспринимает данное известие как исторический факт, а другие ставят под сомнение его достоверность. Дискуссия разгорелась главным образом из-за личности первого церковного иерарха, имя которого направивший его Фотий почему-то не называет. Так, В. И. Ламанский осуществление данной миссии приписывает Константину Философу [23, с. 74-76]. Церковный историк Н. Н. Воейков – епископу Алексию, который, по его мнению, крестил в 865 г. князей Аскольда и Дира вместе с хазарским князем и многими киевлянами [6, с. 254]. События «Фотиева» крещения другой историк Церкви рубежа XIX-XX вв. А. В. Карташев [18, с. 134-138] связывает с именем митрополита Михаила, известного нам из летописных источников [20, с. 11; 25, с. 57, 63-64]. Т. Барсов верно подметил, что сведений о том, «остался ли в среде русских крестивший их епископ, или он, исполнив ближайшую миссию, возвратился в своё отечество» [2, с. 299], не сохранилось. Таким образом, выводы церковных историографов о личности первоиерарха, по меткому выражению М. Д. Присёлкова, являются следствием «искусственных попыток» воссоздания нашего церковного прошлого [39, с. 29-31]. Вслед за В. Рычка [46, с. 36] следует признать не соответствующими историческим реалиям обращение руссов в христианство в 874 г. при патриархе Игнатии в сообщениях «Продолжателя Феофана» [3, с. 59-60; 40, с. 213-214] и направление архиерея окрещенному народу русов в царствование Василия I Македонянина около 6390 (881/882) г. [36, с. 184-185]. Следовательно, мы не находим достоверных сведений о существовании русской епископии в последней трети IX в.

Менее века спустя основание епископии на территории Руси связывается с именами славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Но и здесь имеются разночтения. Так, в исследовании И. Ф. Оксьюка анализируются события хазарской миссии братьев, обративших в христианство около 200 местных семей [8, с. 93; 33, с. 194], что вряд ли имеет прямое отношение к созданию киевской епископии. По мнению В. Рожко, учениками святого Мефодия была учреждена Владимирская (Ладомирская) епископская кафедра [44, с. 24-30]. Как верно заметил П. И. Гайденок, «свои выводы В. Рожко строит на скурых сообщениях одной из венгерских летописей и археологических раскопках» [7, с. 113]. Следовательно, известия о данном этапе возникновения русской епископии также трудно признать обоснованными.

Возникновение русской епархии принято связывать с устойчивым Византийским влиянием. Оно прослеживается, начиная с договора князя Игоря с Византией (944 г.), где указывается на присутствие в свите слов и купцов лиц, принявших крещение, а в качестве резиденции пребывания русских купцов определяется монастырь святого Маммы [8, с. 109-110]. Однако наличие крещеных русов не позволяет сделать вывод о существовании церковной организации.

Следующим по хронологии событием, которое отечественная историография связывает с появлением русской епископии, является крещение княгини Ольги (957 г.) [30, с. 219-310]. В ее окружении во время пребывания при императорском дворе Константин VII Багрянородный (905-959 гг.) упоминает священника Григория [3, с. 78; 22, с. 60-61, 68]. Некое духовное лицо упоминается и в описании похорон княгини Ольги [22, с. 68]. Однако данный комплекс известий также не дает никаких оснований свидетельствовать о наличии церковной иерархии в Древней Руси.

С именем княгини Ольги связывается неудачная попытка обрести епископскую кафедру с помощью западноевропейских соседей. У продолжателя Хроники Регинона Прюмского (ум. 915 г.) под 959 г. сохранилось известие о посольстве ругов к королю Оттону I с просьбой назначить их народу епископа и священников [43, с. 45-46].

В историографии неоднократно высказывались предположения, что данное посольство времен княгини Ольги вряд ли отвечало религиозным целям правительницы Руси, скорее, миссионерское рвение Оттона I побудило его отправить на восточнославянские земли епископа [11, с. 82-83; 13, с. 405-406; 47, с. 293-298]. Если же принять точку зрения А. В. Назаренко, то в числе причин обращения Ольги, названной в источнике христианским именем Елена, к германскому королю можно назвать неудачные переговоры с Византией о создании церковной организации на территории Руси после личного крещения княгини [30, с. 297-303]. Летописные источники не сохранили подробностей о возникших у княгини затруднениях в период нахождения при дворе императора и в общении с константинопольским патриархом так же, как и текст, приписываемый Константину Багрянородному. Следовательно, можно предположить, что в 957 г. Ольга, принимая крещение, ставила своей целью создание епископии на Руси под руководством Константинопольского патриархата, однако согласия в этом вопросе достичь не удалось. Именно поэтому спустя два года она с той же просьбой обращается к Оттону I [43, с. 45].

Хронология событий развивалась следующим образом. В 960 г. епископ бременский Адальдаг отправляет на Русь монаха из Майнцского монастыря св. Альбана – Либудия, но новоназначенный иерарх неожиданно умирает в марте 961 г., не успев даже выехать к месту назначения. Вместо него был рукоположен монах Адальберт из монастыря св. Максимиана в Трире, который и отправился на Русь. Согласно Продолжателю Регинона (то есть, вероятно, самого епископа Адальберта), он «ни в чем не достиг успеха и увидел свое усердие напрасным» [Там же, с. 47-48]. Адальберт покинул Киев и в 962 г. возвратился в Германию, причем на обратном пути едва не погиб. Печальные последствия этой эпопеи дали основания обвинять «королеву Руси» в коварстве и обмане [Там же]. Примечательно, что сам Адальберт в Хронике не сообщает подробностей своего пребывания в Киеве, что, вероятно, объясняется провалом его миссионерской деятельности [Там же, с. 48]. По мнению авторов католической энциклопедии, «роковую роль в неудаче этой миссии сыграло двухлетнее промедление Оттона I с отправкой епископа: когда Адальберт прибыл на Русь, там произошла смена власти» [19, с. 78]. Во всяком случае, отстранение Ольги от власти Святославом и изгнание миссии приглашенного на Русь епископа Адальберта совпадают по времени [1]. По мнению С. Г. Поляковой, «сильная власть в лице дружины во главе с князем Святославом не позволила Ольге крестить древнерусские земли» [36, с. 82]. Следовательно, изгнание Адальберта стало не следствием каких-то миссионерских просчетов имперского посла [43, с. 49], а результатом того, что мать Святослава к тому времени уже не обладала правом решать вопросы государственно-религиозного свойства [7, с. 123].

Однако Оттон I не отказался от идеи основания восточной епископии [12, с. 42]. В октябре 968 г. с санкции папы Иоанна XIII он учреждает на базе монастыря св. Маврикия в Магдебурге архиепископию, в задачу которой входит миссионерская деятельность на славянских землях, а именно восточнее рек Эльба и Зале [Там же, с. 41-43]. Архиепископом и митрополитом всего славянского народа по совету майнцкого архиепископа Хаттона, который являлся примасом (номинальным главой) германской Церкви, хальберштадтского епископа и «прочих наших подданных», был назначен небезызвестный нам Адальберт [Там же, с. 42], «коего и направили в Рим для получения палия от господина папы (*Римский Папа Иоанн XIII – Т. Ф.*). И дабы подкрепить и утвердить это наше избрание, направляем его к вашим милостям в непрременном желании, чтобы он, по избрании всеми вами как подачей голоса, так и поднятием руки, воссел на своем престоле» [Там же, с. 43]. Следовательно, можно констатировать, что это первое документально зафиксированное свидетельство, когда, соблюдая все церковные формальности, рукой Папы Римского на восточнославянские земли был назначен епископ, однако его деятельность не нашла отражения ни в русских, ни в европейских источниках. Таким образом, следует согласиться с мнением В. С. Иконникова в том, что на протяжении всего X – первой половины XI в. между западноевропейскими церковными центрами и Киевом поддерживались самые тесные отношения [16, с. 134-136]. Кроме того, можно утверждать, что во второй половине X столетия формально существовала русская епископия, находившаяся под властью Магдебургского архиепископа [24, с. 349-357; 30, с. 311-338; 31, с. 101-205].

Однако как факт основания епископского округа нельзя рассматривать и другие известия о латинских миссиях на территории Руси, известные по европейским и русским источникам. Так, под 979 г. Никоновская летопись сообщает о приходе на Русь послов «из Рима от папы», к сожалению, не представляется возможным определить подлинные цели данного посольства и результаты его деятельности [25, с. 39]. Неудачной, с точки зрения формирования церковной структуры, оказалась и легендарная проповедь Олафа Тригвасона, убеждавшего князя Владимира принять христианство, о чем сообщает скандинавская сага монаха Одда [14, с. 47; 35, с. 122]. Гипотетически сюда может примыкать известие о Роже Шалонском и двух других епископах, прибывших в Киев в 1048 г. в качестве сватов к Ярославу за будущей королевой Франции Анной [5, с. 33].

В церковной историографии в качестве одного из источников архиерейской власти на Руси признаются христианские общины Крыма и Северного Кавказа. Однако исследователи анализируют различные подходы к проблеме. Если в работе В. Семенюка [48, с. 4-73] и диссертации священника Е. С. Харина [51, с. 20-21] данные общины рассматриваются в качестве своего рода «провозвестников» русской Церкви и государственности, то митрополит Макарий склонен устанавливать лишь некоторую косвенную преемственность в жизни древних христианских епархий в северном Причерноморье и на Кавказе как епархий, располагавшихся на территории современной митрополиту Российской империи [28, с. 83-160]. Данное влияние в IX-X вв. не представляется возможным оспаривать в силу значительных экономических контактов восточнославянского населения с регионами Крыма и Кавказа, но уже с конца X – начала XI в. происходят обратные процессы славянского влияния на местное население. Так, появление Боспорской фемы стало ответом на возникновение в конце X – начале XI в. Тмутаракани, а в 50-60-х годах XI в. земли Боспора и вовсе оказались под контролем русских князей, власть которых над этими территориями продолжалась примерно до конца XI века. Однако это не позволяет судить о наличии церковной структуры соответствующей епископии, привнесенной на Русь из Крыма или Кавказа. Даже если допустить вероятность существования канонических отношений между крымскими епархиями и киевскими

христианами IX-X вв. [27, с. 239], то, по точному замечанию П. И. Гайдено [7, с. 115], едва ли такие связи могли иметь какое-либо принципиальное значение для судеб язычества и христианства в землях Киевской Руси.

О связях киевской церковной организации с Крымом не так много известно, и все это, так или иначе, связано с походом Владимира Святославича на Херсонес (988 г.) [22, с. 109-110]. Примечательно, что в древнейшем русском источнике «Повести временных лет» не сохранилось имени епископа, крестившего Владимира, несмотря на знаковую природу произошедшего события [Там же, с. 111-116]. Отголоски дискуссии о месте и обстоятельствах крещения Владимира содержит и позднейший Никоновский свод: «друзии же инако глаголють; но не истинствуют, не ведяще бо глаголют; истинно бо есть, яко в Корсуне крестился есть Володимир, якоже преже рекохом и написахом» [Цит. по: 8, с. 26]. Вслед за А. А. Шахматовым мы склонны видеть в обстоятельствах крещения Владимира «литературное происхождение» [52, с. 297]. Поэтому только с момента прибытия Владимира в Киев можно с уверенностью говорить о появлении на Руси епископства. В качестве кандидатур на данную степень священства рассматриваются новгородский епископ Иоаким и Анастас Корсунянин [22, с. 121-122].

Летописные источники, в том числе Новгородская первая летопись, подтверждают архиерейский сан Иоакима и именуют его архиепископом [8, с. 27]. В отношении Анастаса Корсунянина источники не позволяют точно определить его церковный статус, что привело к различным мнениям в отечественной историографии. В. В. Мавродин предполагал, что это корсунский священник, который, вероятно, происходил из «русской партии» Херсона [27, с. 239]. По мнению М. Д. Присёлкова и других историков, Анастас мог занимать епископскую кафедру Херсонеса, а затем по воле Владимира возглавить Киевскую епископию [26, с. 357; 39, с. 37] и именно поэтому принимал самое активное участие в христианизации Руси [25, с. 64; 45, с. 117]. А. Г. Кузьмин высказал предположение, что Анастас «не имел никаких церковных чинов, но стоял выше епископов», что в целом, по мнению учёного, повторяло опыт церковного управления Зальцбургской епархией в VIII в. [21, с. 347].

Анализируя комплекс летописных известий, мы не склонны считать Анастаса первым киевским епископом. Волей Владимира после возвращения в Киев Анастас был отдан «отцу своему митрополиту Михаилу» [8, с. 27], затем с «попами Корсунскими» «приставлен» служить в выстроенной церкви св. Богородицы [Там же], назначен хранителем казны Десятинного храма [Там же, с. 32], которая впоследствии будет вывезена им в ходе бегства из Киева с князем Болеславом (1018 г.) [Там же, с. 37]. Это больше напоминает попытку Владимира обеспечить Анастасу статус и доход за верность и оказанную услугу. Но, так или иначе, епископская власть (а не структура управления!) на Руси появляется после крещения Владимира Святославича. Традиционно принято считать, что церковная иерархия изначально зависела от Константинополя [2, с. 443-543; 28, с. 19-20]. Но в отечественной историографии остается дискуссионным вопрос о статусе первых русских епископий. Так, если верить известиям Титмара Мерзебургского, то глава русской Церкви был не митрополит, а архиепископ [49, с. 81]. Подобного мнения придерживались Б. А. Успенский [50, с. 462-467], О. М. Рапов [42, с. 253]. В исследовании А. Е. Мусина рассматривается возможность одновременного существования на Руси различных иерархий, Корсунской и Константинопольской [29, с. 216], статус которых также трудноопределим.

Причиной появления данного рода предположений связано с источниковой базой. Поздние уставы Константина Порфирородного и Льва VI – единственные малоубедительные свидетельства возможного существования греческой иерархии на Руси ко времени Владимира [15, с. 29; 41, с. 28]. Византийские и сирийские источники в этом отношении весьма противоречивы. С одной стороны, они сообщают, что во времена Македонской династии русская митрополия занимала в иерархии митрополичьих округов 62 место. С другой стороны, ясно свидетельствуют о том, что одним из важнейших условий заключения брака между Владимиром Святославичем и царевной Анной должны были стать не только личное крещение великого князя, но и обращение в христианство всей Руси. А это означает, что Русь не имела полноценной церковной иерархии [3, с. 59-60; 37, с. 85-108; 38, с. 108-124; 53, с. 59-60].

На основании русских летописных источников мы можем говорить лишь о существовании отдельных христианских общин во главе с церковным клиром. Показательны в этом отношении известия Ипатьевской летописи. Указаний на присутствие церковных иерархов в сане епископа нет ни в известиях о крещении Владимира, ни при освящении Десятинной церкви, отсутствуют они при погребении Владимира Святославича и Ярослава Мудрого. В период с 988 г. по 1054 г. епископы в Ипатьевской летописи упоминаются четырежды (!): епископы обращаются к Владимиру в связи с умножением разбойников в русской земле; епископом Великого Новгорода поставлен Лука Жидята; «избиша епископы» во время мятежа в Лядской земле и «постави Ярослав Лариона митрополитом Руси святой Софьи собравъ епископы» [17, с. 71, 96, 100]. Так что о состоянии церковной организации Руси как до её крещения, так и в первые полвека христианства в землях восточных славян сказать что-либо определённое крайне сложно [4, с. 128].

Но на наш взгляд заслуживает внимания известие Никоновской летописи под 991 г. о походе митрополита Михаила по Русской земле и до Ростова «с четырьма епископами Фотеа патриарха, ... а друзии епископы Фотеа в Киеве пребываху» [Цит. по: 8, с. 29]. Здесь возникает масса вопросов. Кем в действительности были «епископы Фотиевы»? Почему не все удостоились участия в этой миссии. Возможно, они были направлены как миссионеры, и собственно округа для этих епископов должны были сформироваться в процессе христианизации древнерусских племен. Но они никак не могли относиться к высшей духовной иерархии. Это люди, которые шли на Русь с намерением приобрести окормливаемый округ, сделать карьеру и обеспечить присоединение данных территорий к константинопольскому патриархату. Об успешности их миссии судить трудно. Однако под следующим 992 г. помещена запись о поставлении «Новгороду Иоакима Корсунянина, Чернигову епископа Неофита, а в Ростов постави епископа Феодора, а в Володимир Стефана, а в Белград Никиту, и по иным многим градом епископы постави», но связывается это уже с деятельностью «митрополита всея Руси» Леона [Там же, с. 30]. Если не ставить под сомнение достоверность данного факта, то его можно рассматривать как свидетельство об основании первых русских епископий.

В целом, анализируя материалы отечественной историографии о времени и источниках появления епископской власти на Руси, следует отметить, что нередко мы имеем дело с явными искажениями церковной истории древней Руси, выражающими желание исследователей удревить момент создания русской церковной организации, повысить статус первых церковных архиереев, а при скудной источниковой базе гипотетически обосновать выдвинутые концепции, что, безусловно, не отражает реальных процессов исторического развития древнерусской церковной организации [10]. Таким образом, данный вопрос требует дальнейшего обстоятельного исследования.

Список литературы

1. **Алексеев С.** Выбор веры: причины и аргументы [Электронный ресурс] // Фома. 2009. № 8 (76). URL: <http://www.foma.ru/article/index.php?news=3697> (дата обращения: 16.04.2013).
2. **Барсов Т.** Константинопольский патриарх и его власть над Русскою Церковью. СПб., 1878. 592 с.
3. **Бибииков М. В.** BYZANTINOROSSICA: свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. 736 с.
4. **Боровский Я. Е., Моця А. П.** Концепция язычества и христианства в буржуазной историографии и данные археологии // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев, 1990. С. 121-138.
5. **Введение христианства на Руси** / Ин-т философии АН СССР; отв. ред. А. Д. Сухов. М.: Мысль, 1987. 302 с.
6. **Воейков Н. Н.** Церковь, Русь и Рим. Минск, 2000. 656 с.
7. **Гайденко П. И.** Становление высшего церковного управления в Древней Руси: дисс. ... д.и.н. Екатеринбург, 2011. 459 с.
8. **Гайденко П. И., Фомина Т. Ю.** История Русской Церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (обзор письменных источников). М., 2009. 228 с.
9. **Гайденко П. И., Фомина Т. Ю.** Организация церковной жизни Руси накануне крещения. Ч. 2. Церковная иерархия // Вестник НГПИ: сб. научно-методических трудов. Набережные Челны, 2011. Вып. 19. С. 91-96.
10. **Гжибовская О. В.** Жития святых в российской историографии XIX – начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 3. С. 37-39.
11. **Голубинский Е. Е.** История Русской Церкви. М., 1901. Т. 1. Период первый. Киевский или домонгольский, 1-я половина тома. III+XXIV+968 с.
12. **Грамота германского императора Оттона I об учреждении Магдебургской архиепископии (968 г.)** // Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. IV. Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. С. 41-43.
13. **Грушевський М. С.** Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 2. 634 с.
14. **Джаксон Т. Н.** Четыре норвежских конунга на Руси: из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. М., 2000. 192 с.
15. **Иванов С. А.** Византийская религиозная миссия VIII-XI вв. с точки зрения византийцев // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. 1056 с.
16. **Иконников В. С.** Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 1. 1056 с.
17. **Ипатьевская летопись** // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. Т. 2. XVI с. + 938 стлб. + 87 с.
18. **Карташев А. В.** Собрание сочинений. М., 1992. Т. 1. 686 с.
19. **Католическая энциклопедия.** М., 2002. Т. 1. А-З. 1000 с.
20. **Книга Степенная царского родословия. Ч. 1** / под ред. П. Г. Васенко // ПСРЛ. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. Т. 21. 342 с.
21. **Кузьмин А. Г.** Крещение Руси. М., 2004. 416 с.
22. **Лаврентьевская летопись** // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. 496 с.
23. **Ламанский В. И.** Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник: критические заметки. Пг., 1915. 4+II+262 с.
24. **Латиноязычные источники по истории Древней Руси.** М. – Л., 1990. 398 с.
25. **Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью** / под ред. А. Ф. Бычкова // ПСРЛ. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1862. Т. 9. 256 с.
26. **Мавродин В. В.** Древняя и средневековая Русь. СПб., 2009. 719 с.
27. **Мавродин В. В.** Образование Древнерусского государства. Л., 1945. 432 с.
28. **Макарий (Булгаков), митр.** История Русской Церкви. М., 1994. Кн. 1. 405 с.
29. **Мусин А. Е.** О некоторых особенностях древнерусского богослужения XI-XIII вв. Церковь Преображения на Нередице холме в литургическом контексте эпохи // Новгородский исторический сборник. СПб., 2000. Вып. 8 (18).
30. **Назаренко А. В.** Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М., 2001. 784 с.
31. **Назаренко А. В.** Немецкие латиноязычные источники IX-XI вв.: тексты, переводы, комментарий. М., 1993. 240 с.
32. **Окружное послание Фотия, патриарха Константинопольского, к восточным архиерейским престолом, а именно – к Александрийскому и прочая** // Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. II. Византийские источники / сост. М. В. Бибииков. С. 131-133.
33. **Оксинок И. Ф.** Первые столетия христианства на Руси и латинский Запад // Богословские труды. М., 1987. Т. 28. С. 192-217.
34. **Петрушко В. И.** История Русской Церкви с древнейших времён до установления патриаршества. М., 2005. 360 с.
35. **Погодин А. Л.** Варяжский период в жизни князя Владимира // Святой Креститель. Зарубежная Россия и Св. Владимир: из наследия русской эмиграции. М., 2000. 352 с.
36. **Полякова С. Г.** Княгини Древней Руси X – первой половины XIII в. Социальный статус и роль в государственной политике: дисс. ... к.и.н. Брянск, 2006. 294 с.
37. **Поппэ А. В.** Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии // Византийский временник. М., 1968. Вып. 28. С. 85-108.
38. **Поппэ А. В.** Русско-Византийские церковно-политические отношения в середине XI в. // История СССР. 1970. № 3. С. 108-124.
39. **Присёлков М. Д.** Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 2003. 248 с.

40. Продолжатель **Феофана. Жизнеописания византийских царей** / изд. подг. Я. Н. Любарский. СПб., 2009. 401 с.
41. **Рамм Б. Я.** Папство и Русь в X-XV вв. М. – Л., 1959. 284 с.
42. **Рапов О. М.** Русская Церковь в IX – первой трети XII в. М., 1988. 444 с.
43. **Регинон Прюмский.** Хроника с продолжением (начало X в. и после 973 г.) // Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. IV. Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. С. 44-49.
44. **Рожко В.** Нарис історії Української Православної Церкви на Волині (870-2000). Луцьк, 2001. 670 с.
45. **Рыбаков Б. А.** Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. 592 с.
46. **Рычка В.** Княгиня Ольга. Киев, 2004. 124 с.
47. **Сахаров А. Н.** Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980. 358 с.
48. **Семенюк В.** Христианство на Руси от зарождения первооснов государственности до князя Владимира: курсовое (дипломное сочинение) по кафедре Истории Русской Церкви. Загорск, 1963. 154+5 с.
49. **Титмар Мерзебургский.** Хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. IV. Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. С. 63-83.
50. **Успенский Б. А.** Царь и патриарх: харизма власти в России (византийская модель и её русское переосмысление). М., 1998. 680 с.
51. **Харин Е. С.** Древнерусское монашество в XI-XIII вв.: быт и нравы: дисс. ... к.и.н. Ижевск, 2007. 185 с.
52. **Шахматов А. А.** История русского летописания. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Ранние русские летописи X-XII вв. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2. 1024 с.
53. **Этингоф О. Е.** Византийские иконы VI – первой половины XIII века в России. М.: Индрик, 2005. 768 с.

SOURCES OF EPISCOPAL AUTHORITY ORIGIN IN RUSSIA

Fomina Tat'yana Yur'evna, Ph. D. in History
Naberezhnye Chelny Institute of Social-Pedagogical Technologies and Resources
 stal73@yandex.ru

The author basing on the complex of historical sources and historiography reveals the question of episcopal authority origin in Russia. The formation of church hierarchy in ancient Russia under Patriarch Photios, St. Cyril and Methodius, Princess Olga, German Emperor Otto I did not have sufficient documentary evidence. The appearance of the first Russian cathedral churches should be dated to the time after the baptism of Vladimir Svyatoslavich.

Key words and phrases: Ancient Russia; church hierarchy; hierarches; bishops.

УДК 111.85

Культурология

В статье рассматривается венецианский карнавал, объединяющий всех его участников в едином действии, как главное событие городской жизни, позволяющее выйти за пределы обычного течения времени. Карнавал выстраивает новую реальность, открывает новые смыслы в знакомом пространстве. Запечатлевая свою событийность в слове, музыке, живописи, продолжаясь в комедии дель арте, карнавал сохраняет себя, чтобы снова выйти на улицы города в праздничные дни. Карнавал есть раскрытие потаенного, когда сокрытое и явленное, сакральное и профанное, истинное и ложное могут увидеть себя, различить и понять.

Ключевые слова и фразы: эстетика; событие; комедия дель арте; карнавал; Венеция.

Хольмстрем Ирина Николаевна, к. филол. н.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
 ikholmstrem@mail.ru

ЭСТЕТИКА СОБЫТИЯ: ВЕНЕЦИАНСКИЙ КАРНАВАЛ©

Мир соткан из предела и беспредельного.
 Массимо Каччари

Событие, преодолевая границы времени, в известном нам пространстве города открывает новые смыслы, заставляет по-другому посмотреть на знакомые вещи. Человек стремится запечатлеть открывшуюся истину, которую потом можно созерцать, слушая музыку, наблюдая игру актеров или рассматривая полотна живописцев, каждый раз соприкасаясь с открывшейся тайной: «Будучи учиненным субъектом, событие инобытия обретает эквивалентность бытию, объектности только как возвращающееся к инициатору, как приходящее к нему же извне. Событие обязано превратиться в внешнюю (телесно, словесно или живописно-графически) память о себе. Становясь текстом, оно оказывается доступным для многократного переживания – для партиципирования со стороны тех лиц, каковы не были его непосредственными исполнителями, и тем самым как нельзя лучше отвечает своей антропогенной сущности. Коммуникативный универсум темпорально возмещает в сообщаемости события его локальность, его приуроченность к лишь одному участку в пространстве» [5, с. 23]. Событие – это открывающаяся граница между двумя мирами, соединенными в одном пространстве, позволяющем увидеть